

Г.Г. Попов

ДИСКУССИИ О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ XX в.

Какой строй существовал в Киевской Руси и в Русском государстве средних веков вообще? Это — один из самых спорных вопросов российской исторической науки, имевший явную идеологическую окраску. Центральный аспект данного вопроса — проблема «русского феодализма».

Идеологизированность тематики ранней русской государственности как в дореволюционный, так и в советский периоды, постоянно мешали объективному исследованию средневековой истории Руси / России. Одним политическим силам хотелось видеть Россию исторически «созревшей» для глобальных преобразований и великих экспериментов. Другим надо было доказать ее отсталость и «дремучесть» для обоснования идеи необходимости следования Россией предначертанной Западом стезе развития. Специалисты по средневековой истории Руси / России, оказавшись между Сциллой и Харибдой, так пока и не пришли к единому мнению.

Предреволюционная российская историография

Отечественная историография прошла непростой путь от недопонимания самого термина «феодализм» во времена Карамзина до перенесения западноевропейских реалий феодального строя на средневековый и постсредневековый периоды российской истории. В конце концов, согласно традиционной советской историографии, русская история с IX по XIX вв. стала трактоваться в терминах феодальной формации.

Однако дореволюционные российские историки в большинстве своем отрицали «русский феодализм». Сам термин «феодализм» крайне редко встречается в их трудах. Даже знаменитый историк русского права М.А. Дьяконов — современник

трех русских революций — избегал этого термина, то же самое касается В.О. Ключевского. Русские историки-эмигранты также скептически относились к «русскому феодализму».

Наиболее скрупулезно общественный строй Древней Руси и Московского княжества изучили В.О. Ключевский, М.А. Дьяконов и Н.П. Павлов-Сильванский. Ключевский настаивал на торговой природе Древнерусского государства. Русская знать являлась, по его мнению, ни чем иным, как торговой корпорацией, в силу чего в древний период на Руси не возникло служилой аристократии, привязанной к земле, — это и отличает Западную Европу от Руси. Красной нитью через произведения Ключевского проходит мысль, что население Древней Руси было крайне подвижно, поэтому до XV в. Русь практически не знала ни феодальных усадеб, ни ленной зависимости. Естественно, не знала она и крепостной зависимости крестьян¹.

Оппонентом доминирующей в русской исторической науке теории В.О. Ключевского о не-феодалном характере русской истории стал Н.П. Павлов-Сильванский. Лишь слишком ранняя смерть не позволила этому выдающемуся ученому занять место, равное Соловьеву и Ключевскому. Павлов-Сильванский нашел по средневековым русским документам и факты личной зависимости крестьян (правда, относящиеся к монгольскому периоду), и, самое главное, свидетельства о службе с земли (но опять-таки хронологически ограниченные монгольским периодом). Относительно домонгольской Руси Павлов-Сильванский выдвигал в основном уверенные догадки, что там все-таки были феодальные отношения, но документальных свидетельств тому, по его мнению, просто не сохранилось. Однако, что самое важное, хотя бы уже для монгольского периода (кроме второй половины XIII в.) Павловым-Сильванским были выявлены в русской истории все три базисные признака феодализма: служба с земли, личная зависимость крестьян и крупное землевладение². Правда, относительно последнего так и не было выяснено определено, являлась ли русская сеньория результатом княжеских пожалований или это была чисто отчужденная боярами у крестьян-общинников собственность.

М.А. Дьяконов в своих оценках социального устройства Древней Руси и Руси монгольского периода оказался менее

склонным считать древнерусское общество феодальным. Оно, по его мнению, было скорее рабовладельческим. По летописным сводам, Дьяконов установил важное хозяйственное значение холопов, т.е., рабов в Киевской Руси и даже в монгольский период. Рабы выполняли не только функции домашней прислуги, но были активно задействованы в сельском хозяйстве и в ремесле. Последнее есть важный признак именно высокой степени развития рабовладения в обществе³. Кроме того, холопы к XII в., по Дьяконову, могли становиться управляющими имений и вести торговые дела от имени своих хозяев и даже от своего имени. Данный факт еще раз подтверждает гипотезу о многочисленности рабов в Древней Руси и их высоком экономическом значении.

Главного признака феодализма — службы с земли — Дьяконов в Киевской Руси не находил. Как и большинство русских историков, он не видел в боярах аналог феодальной знати Западной Европы, а древнерусское общество он считает несословным. По Дьяконову, в нем были профессионально-экономические классы, но не было сословий.

Коренной ошибкой Павлова-Сильванского было то, что он не обратил внимания на проблему сословного деления феодального общества, что сделал М.А. Дьяконов. В Древней Руси не существовало сословий, мы не видим их и в монгольский период. На эту же особенность средневековой Руси в свое время обратил внимание Ключевский: по его мнению, человек на Руси становился крестьянином, например, только тогда, когда приступал к исполнению крестьянских обязанностей. Как показал М.А. Дьяконов, даже в Юго-Западной Руси XIII в. боярином мог стать даже смерд, если он обладал необходимыми экономическими и моральными возможностями.

Советская историография

Временные рамки феодализма в советской историографии были раздвинуты в силу того, что В.И. Ленин (вслед за Павловым-Сильванским) считал всю русскую историю феодальной вплоть до конца XIX в. Мотив российских марксистов в таком определении временных границ русского феодализма можно объяснить следующим. В дореволюционный и пореволюцион-

ный периоды Ленин и ряд его сподвижников исходили из того, что любое государство должно быть классовым. Следовательно, Древнерусское государство являлось феодальным, поскольку рабовладельческую формацию оно миновало.

Уже в годы холодной войны защита «русского феодализма» приобрело в советской науке еще одну мотивацию: она стала контраргументом против западной советологии, отстаивавшей тезис об отсталости России в средние века и новое время. Например, Р. Пайпс считал средневековую Русь патриархально-деспотическим обществом⁴.

Впрочем, в советский период имели место и отклонения от ленинской парадигмы русской истории. Первое из них появилось еще в 1919 г., тогда известный в Советской России историк Н.А. Рожков выступил с концепцией «феодальной революции»⁵. Ее начало он поместил в X век, а завершение увидел в XII в.; таким образом, период перехода Руси от общины к феодализму занял 200 лет — многовато для революции. Рожков исходил из того, что смена формаций должна обязательно сопровождаться революционными изменениями в обществе, как учил Маркс. Значит, необходимо было найти эту революцию в Древней Руси. Но признаки революционных изменений оказались разбросаны по практически всему периоду существования Киевского государства, поэтому «революционный процесс» получился слишком растянутым и расплывчатым во времени и пространстве.

Надо сказать, что Рожков в своих трудах полностью не полагался на марксистское учение. Его концепция феодальной революции противоречила тезису Ленина о том, что феодализм на Руси возник в IX в. вместе с появлением первого государства у восточных славян. Было ли это преднамеренное противоречие, или же Рожков просто не был хорошо ознакомлен с ленинскими тезисами исторического процесса России в средние века, трудно сказать. Дело в том, что исторические труды Ленина стали серьезно анализироваться в советской науке только после 1924 г.

В середине 1920-х гг. ряд советских историков выступил с теорией существования рабовладельческой формации в Древней Руси⁶. В конце 1920-х и в начале 1930-х гг. по поводу данной теории в советской исторической науке разгорелась серьезная дис-

куссия. Сторонники рабовладельческой формации опирались на знаменитую «пятичленку», согласно которой древнерусское общество не могло «перепрыгнуть» через рабовладельческий строй. Надо отметить, что Маркс не очень хорошо знал историю неевропейских и восточноевропейских народов, из-за чего появились многие противоречия в его теориях относительно их развития. Эти противоречия перешли и в советскую науку.

Против теории рабовладельческой формации в Древней Руси выступила школа Б.Д. Грекова. В 1934 г. она получила в данном споре поддержку со стороны И.В. Сталина, который в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» четко определил Древнюю Русь как феодальное общество. Такой подход сталинистов к историческому процессу Руси вполне понятен — они стремились устранить отклонения от ленинского учения, в котором древнерусское общество определялось только как феодальное.

Признав древнерусское общество феодальным, представители советского мэйнстрима в исторической науке приступили к определению времени начала феодального строя, а, значит, и государства у восточных славян, поскольку существование внеклассового государства в советской науке отрицалось в принципе. Феодализм искали и в союзе племен антов, и в более поздних восточнославянских племенных союзах, и в «империи Рюриковичей». Однако к однозначному мнению историки 1940–начала 1950-х гг. так и не пришли.

После начала «оттепели» историки смогли свободнее смотреть на проблему феодализма и его генезиса в древнерусском обществе. В этой связи появляются работы И.Я. Фроянова⁷, в которых утверждается, что феодализм в Древней Руси сочетался с первобытно-общинным и рабовладельческим строем. Но такая точка зрения только отдалила науку от определения точного времени отсчета начала феодализма в средневековой Руси.

М.Н. Тихомиров — один из авторитетнейших специалистов по Древней Руси — отнес начало феодализма в русских землях к XII в., поскольку в это время появляются так называемые «милостники» — лица, получавшие земельную и другую собственность в условное держание⁸. Эта концепция отбрасывала советскую медиэвистику к теории «феодальной революции»

Рожкова, у которого критерием выявления феодализма служили «закупы»).

Таким образом, время генезиса феодализма в советской историографии оказалось растянутым от VI до XIII вв.

Определить относительно точное время начала феодализма на Руси мешала, конечно, нехватка документов: наука располагает лишь 23 актами периода IX–XIII вв., содержащими информацию о социально-экономическом устройстве Древней Руси. Далеко не все из этих актов могут подтвердить теорию существования в Киевской Руси феодализма. Значительная часть древнерусских документов погибла в пожарах. Свидетельства иностранцев сбивчивы и поверхностны — они, разумеется, не проводили специального анализа социально-экономического устройства Руси. То же самое касается летописей. И все-таки, если бы феодализм был распространенным в Киевской Руси явлением, документов на этот счет было бы больше. Надо в этой связи отметить, что ряд русских земель (например, новгородские) не столь значительно пострадали от княжеских междоусобиц и монгольского завоевания, поэтому «феодальные» документы там должны были бы сохраниться. Но «трудно найти черную кошку в темной комнате... особенно, если ее там нет».

Тема русского феодализма после Второй мировой войны получила принципиальное идеологическое значение в советской и западной исторической науке. Отрицая феодализм в средневековой Руси, западные историки представляли русское общество как отсталое, а установление социалистического строя — как результат «заторможенности» России в развитии. Даже с точки зрения марксистской теории, получалось, если отрицать существования в русском обществе феодализма в средние века, что Россия — неевропейская страна с азиатскими чертами социально-экономического развития. Именно с такой концепцией выступил в 1950-е гг. американский экс-марксист Карл Виттфогель, посчитавший, что в России существовал, вплоть до современности, азиатский способ производства, «замаскированный» под различные типы общественного устройства⁹.

В 1970-е гг., во многом благодаря И.Я. Фроянову, советская историческая наука в вопросе о времени генезиса феодализма все более начала «сворачивать» в сторону концептуальных

идей 1920-х гг., доказывавших наличие в Киевской Руси рабовладельческого строя. В этом духе делали выводы о состоянии древнерусского общества А.А. Зимин, А.П. Пьянков и некоторые другие¹⁰. Отсутствие феодализма в Киевской Руси доказывал В.Б. Кобрин, указывая в этой связи на то, что в Древней Руси не существовало крупной вотчины: бояре владели подсобными хозяйствами, которые лишь дополняли иные, более важные доходы, главную статью которых составляло княжеское жалование за исполнение поручений¹¹. В 1980-е гг. многие советские историки признали отсутствие в Киевской Руси главного признака феодализма — монопольной собственности аристократии на землю, поскольку земля оставалась в основном общинной.

Можно сделать и другой вывод из отрицания феодализма в средневековой Руси: Россия — сравнительно молодое общество. К такому примерно заключению пришел Л.Н. Гумилев в своих поздних работах¹². Генезис Руси произошел намного позже, чем возникновение цивилизации романо-германского Запада. Если условно брать за точку отсчета начала истории латинского Запада VI в., когда образовалось государство франков, то между Русью и романо-германским миром получается разрыв почти в 300 лет. Если на Руси феодализм, как утверждают некоторые историки, стал определенно формироваться только в XIII в., то в Западной Европе уже в XV в. обозначились признаки разложения феодализма (например, во Франции Людовика IX). Как считал Лев Гумилев, Московская Русь была наследницей, но не полной преемницей Киевской Руси. Поэтому он считал целесообразным условно вести отсчет второй русской цивилизации с конца XIV в. Тем самым, согласно мысли последнего крупного евразийца, Россия — молодая культура.

Интересно обсуждение вопроса о «запусчном механизме» феодализма в советской науке. Здесь мейнстрим исторической науки советского периода проявил большую непоследовательность. Согласно К. Марксу, любая формация имеет одну внутреннюю причину своего генезиса — рост производительных сил. Но, по мнению ряда советских ученых, феодализм на Руси возник в основном в результате давления степных народов на восточных славян¹³. Такая постановка вопроса в

корне противоречит ортодоксальной марксистской парадигме истории, как и «ленинским принципам» русского исторического процесса. За преувеличение роли контактов восточных славян со степными народами советская историческая наука жестко критиковала американских русистов, включая евразийца Г.В. Вернадского¹⁴.

Если не принимать во внимание степную угрозу как фактор формирования феодальной монархии в Древней Руси, то мы наталкиваемся на вопрос: где же искать причину генезиса русского феодализма? По Вернадскому, ростки феодализма на Русь занесли норманны. Но советская историография отрицала сам факт «призвания варягов», трактуя его как легенду. Доказывая, что именно набеги номадов стали главным катализатором феодализации Руси, советские историки уходили в сторону западных социал-демократических трактовок возникновения ранних государств, то есть, — в сторону «теории насилия», которая являлась излюбленным инструментарием анализа далекого прошлого, скажем, у К. Каутского.

Западная историография и ее отзвуки в постсоветской российской науке

Дискуссия о феодализме в советской историографии демонстрирует результат давления идеологии на науку, когда наука в итоге заходит в тупик. Идеологическая составляющая также негативно повлияла и на западную историческую науку в сфере проблематики русского феодализма. Однако западные ученые все-таки пользовались значительно большей свободой, нежели их советские коллеги. Стоит в этой связи сказать несколько слов об американской историографии средневековой России.

У американских историков так и не сложилось однозначного мнения по вопросу существования и, разумеется, времени генезиса русского феодализма. Большинство американских авторов в межвоенный и послевоенный периоды отказались признавать наличие феодализма в средневековой Руси. Ряд более умеренных в данном вопросе американских ученых признали русский феодализм со многими крупными оговорками. Р. Кернер счел временем начала русского феодализма середину XIII в., а его завершение отнес к рубежу XV–XVI вв., мотивировав такие

временные рамки тем, что именно в этот исторический промежуток на Руси существовала политическая раздробленность¹⁵. Русский феодализм, как феодализм особого типа, признал В. Кирхнер¹⁶. При этом Русь (кроме Новгорода и ряда некоторых западных территорий) Кирхнер вообще не признавал частью Европы. С концепцией экономического феодализма в средневековой России выступил и другой известный американский историк, М. Рен¹⁷. Однако исторические рамки русского феодализма, по его мнению, ограничиваются началом XII—началом XIII вв. По Рену, феодализм в России был уничтожен монгольским завоеванием.

Особое место в западной историографии темы русского феодализма занимает Дж. Блюм, который в 1960-е гг. доказывал существование в Древней Руси институтов, очень похожих (как и весь характер развития древнерусского общества) на западные институты¹⁸. Однако Блюм не высказался ни «за», ни «против» русского феодализма, признав само понятие «феодализм» неудачным порождением западной исторической науки. Как и Павлов-Сильванский, Блюм отметил в Древней Руси процессы наступления частного землевладения знати на общинное и закрепощение крестьянства, характерные для латинского Запада того же периода.

Г. Вернадский и С. Пушкирев — яркие представители школы евразийства — категорически отказывали средневековой России в наличии феодализма¹⁹. Евразийцы оказали значительное влияние на формирование отношения к проблеме русского феодализма в американской исторической науке. В итоге победила их точка зрения, что уже отразилось на российской историографии 1990-х гг. и нашего десятилетия. Некоторые современные российские исследователи открыто отстаивают именно эту американскую (евразийскую) позицию в вопросе о феодализме в средневековой России. В этой связи интересна позиция Т.В. Черниковой, автора популярных школьных учебников по истории России, которая в основном повторяет идеи американских медиевистов и Г.В. Вернадского.

Красной нитью через ее труды проходит идея американской медиевистики об изначальной отсталости восточных славян и Руси от романо-германского мира. Приведем одну цитату авто-

ра на этот счет: «Большинство историков сходятся на мысли, что родовая организация (“род”) у германцев повсеместно сменилась соседской (территориальной) общиной уже на рубеже новой эры. А восточные славяне, судя по “Повести временных лет”, часто жили “родами” и в IX–XI вв. Франки уже во времена Юлия Цезаря обрабатывали “древние германские поля”, разделив их на семейные наделы, которые не меняли границ в течение жизни нескольких поколений; им был известен плуг с отвалом. Восточные славяне и спустя 700–1000 лет широко практикуют подсечно-огневую систему земледелия, при которой борона-сукватка (бревно с сучками) остается основным орудием обработки почвы. Лишь в черноземной лесостепи поляне и северяне применяли плуг без лемеха (отвальной доски) и практиковали залежную систему земледелия, которую постепенно вытеснял перелог. Отмечу, что сравнивать уровень техники германцев и славян рубежа новой эры невозможно, так как археологический материал по славянам отсутствует»²⁰.

«Археологический материал по славянам» действительно отсутствует, поскольку славян как самостоятельного этноса на рубеже эр, скорее всего, просто не существовало. Восточные славяне практиковали подсечно-огневую технологию в Верхнем Поволжье и бассейне Оки, но не совсем понятно, какое отношение это имеет к феодализму. К тому же, первоначальное месторазвитие русской цивилизации располагалось в другом регионе — в зоне лесостепи, именно туда из Новгорода Рюриковичи перенесли свою столицу. На севере же славяне долгое время оставались малочисленной этнической группой. Большинство населения Верхнего Поволжья и бассейна Оки в раннее средневековье составляли финно-угры, у которых имела место консервация родо-общинных отношений.

Если мы будем исходить из видения проблемы феодализма западными учеными, что это — прежде всего, юридическая и политическая формы общественного устройства, то вопросы технологического развития, времени появления того или иного этноса на мировой исторической арене, климатические и географические условия развития становятся второстепенными в анализе генезиса и распространения феодализма в обществе. Если же исходить из советской трактовки феодализма как формы эко-

номических отношений, то перечисленные выше факторы исторического процесса становятся гораздо более серьезными в понимании проблемы русского феодализма, однако никак нельзя связывать уровень развития агротехнологий с феодализмом. Некоторые западные ученые не связывают феодализм даже с разложением рода, считая феодализм надстроечной структурой западноевропейского политического устройства средних веков, порожденной упадком империи Каролингов.

Славяне появились в истории позже германцев. У них позднее сложились те институты, которые были в средние века характерны для германских народов. Но означает ли это, что мы должны отрицать существование феодализма на Руси? Разумеется, нет! Ведь если исходить из логики, что тот или иной этнос более отсталый, поскольку он сформировался позже каких-то других этносов, тогда придется признать, что европейцы должны значительно уступать по уровню социально-экономического развития китайцам или индийцам.

С Т.В. Черниковой можно согласиться в том, что в Киевской Руси трудно найти четкие признаки феодализма. Проведенное ею различие между Русью киевского периода и Францией эпохи Меровингов показывает кардинальные отличия социально-экономического развития древнерусского общества от западноевропейского. Они заключаются в следующем:

- отсутствие в Киевской Руси феодальной ренты;
- низкое для знати экономическое значение поместий-вотчин, по сравнению с Францией эпохи Меровингов;
- высокое, по сравнению с Западом, значение международной торговли в хозяйственной практике русской знати;
- консервация в древнерусском обществе патриархальных институтов и длительное сохранение рабства, когда во Франции периода Меровингов шло их отмирание;
- отсутствие в Киевской Руси четких признаков собственности князя на землю.

В вышеприведенных тезисах, демонстрирующих отличия Руси от Западной Европы нет ничего принципиально нового. В.О. Ключевский, Георгий Вернадский и ряд других ученых давно указывали на эти различия древнерусского пути развития от западного.

Нас интересуют в первую очередь временные рамки феодализма. Здесь Т.В. Черникова (следуя, судя по всему, за Ключевским) связывает появление ранних признаков феодализма в Древней Руси с процессом оседания знати на земле, который начался в конце XI в. и получил развитие в XIII в. Однако усиление именно земельной знати в Киевской Руси происходило локально и охватило преимущественно южные территории, то есть зону лесостепи и Восточные Карпаты.

К концу киевского периода между югом и севером наметился сильный контраст в социально-экономическом развитии: на севере еще была сильна крестьянская община и слабо боярство, уже имевшее вотчины; на юге и особенно юго-западе (Галицко-Волинские земли) широкое развитие получило аллодиальное землевладение — главный предшественник классического феодализма у европейских народов. Большинство населения Северо-Восточной Руси состояло из свободных крестьян-общинников — в отличие от южных древнерусских территорий, где к монгольскому завоеванию преобладало уже зависимое крестьянство.

Т.В. Черникова считает общественный строй Киевской Руси аллодиальным — то есть Русь тогда еще не доросла до феодализма, а ее северо-восточные, западные и северо-западные регионы сохраняли первобытно-общинный уклад. В Северо-Восточной Руси, по мнению Черниковой (в котором она следует за Р. Пайпсом) при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо стал складываться особый тип общественной системы — вотчинное государство.

Крупный вклад в изучение темы русского феодализма сделали немецкие историки-медиевисты. Если в США интерес к средневековой России заметно снизился к 1980-м гг., то в Германии он, напротив, возрос²¹. Как и большинство американских исследователей и русских ученых-эмигрантов, немецкие исследователи противопоставляют Киевскую Русь Московской Руси в аспекте характеристик социально-экономического развития.

В теоретической системе У. Хальбаха, например, древнерусское боярство отличается своей привязанностью к городским центрам. Боярин в Киевской Руси — это не наследственное звание, а приобретаемый статус. Соответственно, боярство, в понимании Хальбаха, — своеобразная воинская каста, жившая

по своим особым законам и открытая для всех желающих в нее вступить²². По Хальбаху, древнерусская знать не была заинтересована в земельных владениях, а стремилась к службе при князе и в пределах городских центров.

Эту же идею развивает в своих трудах Х. Рюсс. Он выдвинул концепцию, что русская знать на протяжении всей допетровской истории Руси была сплочена с властью монарха и не имела собственных политических ориентиров, то есть ярко выраженных сословных интересов²³. В то же время власть монарха в Русском государстве была сильно зависима, по Рюссу, от знати. Отрицая существование феодализма на Руси в целом, Рюсс, тем не менее, не считает русский путь развития в средние века каким-то особенным. Просто, по его мнению, в Древней Руси произошла консервация варварских институтов, связанных с дружинным характером организации служилой знати. Эти институты были характерны для обществ древних германцев.

По У. Хальбаху и Х. Рюсу, ни о каком феодализме, в западноевропейском научном понимании этого термина, в Киевской Руси не может быть и речи (как, в принципе, и в Московской Руси). Правда, в Северо-Восточной Руси Хальбах нашел служебную организацию для периода XIV–XV вв. Однако в целом Хальбах солидаризируется с Р. Пайпсом, рассматривая Русь монгольского периода как систему вотчинных государств.

* * *

Сделанный нами краткий обзор показывает, что феодализм в Киевской Руси признавался только советской официальной историографией и рядом ученых на Западе, причем последние делали это с большими оговорками и определили русскому феодализму в своих теориях сравнительно краткие исторические рамки. Помимо ортодоксально настроенных историков-сталинистов, никто четко не сформулировал мысль о существовании феодализма у славянских племен и на ранних стадиях развития Киевской Руси. Благодаря И.Я. Фроянову, в советской исторической науке уже с 1970-х гг. речь шла скорее об очень локальном и «зародышевом» феодализме (даже скорее прото-феодализме) в Киевской Руси, нежели о существовании его развитых форм в древнерусском обществе.

**Отличия русского и западноевропейского
общественного устройства**

Основные социально-экономические институты	Западная Европа	Русь
Служба с земли	Наличие уже в эпоху Меровингов (V–VIII вв.)	Первые признаки относятся к середине XIV в.
Личная зависимость крестьян	Принудительный, административный, характер	Экономический характер (до XVI–XVII вв.)
Рабство	Начало исчезать к XII в.	Хорошо заметно еще в конце XII в.
Вассалитет	Появляется в VII в. как распространенное явление	Четкие признаки обнаруживаются в XV в.

Проведенный нами обзор показывает, что время, когда произошел генезис феодальных отношений, большинство исследователей относят к удельному периоду или даже непосредственно к истории Московской Руси. Таким образом, XIII–XV вв. — наиболее приемлемые многими историками временные рамки ясно выраженных начал русского феодализма (или, во всяком случае, признаков феодальных отношений). В таблице даются обобщенные характеристики отличий русского общественного устройства IX–XV вв. от западноевропейского. Как видно, типичные феодальные институты появляются в России примерно на 800 лет позже, чем в Западной Европе.

Примечания

¹ См., например: Ключевский В.О. Русская история от Древности до Нового времени. М., 2008.

² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988.

³ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 91–97.

⁴ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004.

⁵ Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Пг., 1919. Т. 1.

⁶ См.: Лященко П.И. История русского народного хозяйства. М., 1926.

⁷ Фроянов И.Я. Киевская Русь. СПб., 1999.

- ⁸ Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.
- ⁹ См.: Латов Ю.В. «Восточный деспотизм» К.А. Виттфогеля (к 50-летию странной книги) // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 2.
- ¹⁰ Зимин А.А. Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.
- ¹¹ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.
- ¹² Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2006.
- ¹³ См.: Рыбаков Б.А. Обзор общих явлений русской истории IX–XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 40; Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008.
- ¹⁴ См.: Данилова Л.В. Русское средневековье в современной историографии США // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 61–91.
- ¹⁵ Kerner R. The Urge to the Sea. The Course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostroges, Monasteries and Furs. University of California press. 1946. P. 36 и др.
- ¹⁶ Kirchner W. An Outline-History of Russia. N.Y., 1950.
- ¹⁷ Wren M.C. The Course of Russian History. N.Y., 1958
- ¹⁸ См.: Данилова Л.В. Указ.соч.
- ¹⁹ Пушкарев С. Россия и Европа // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927; Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 1999.
- ²⁰ Черникова Т.В. Российская цивилизация. Средневековое землевладение и проблема феодализма в русской истории // Общественные науки и современность. 2005. № 5.
- ²¹ Стефанович П.С. Древнерусская знать в работах современных западных историков-славистов (Доклад, прочитанный и обсужденный на заседании Центра истории Древней Руси ИРИ РАН 3 октября 2000 г.).
- ²² Hallbach U. Der russische Fuerstenhof vor dem 16 Jahrhundert: eine vergleichende Untersuchung zur politischen Lexikologie und Verfassungsgeschichte der alten Rus. Stuttgart, 1985.
- ²³ Ruess H. Herren und Diener. Die soziale und politische Mentalitaet des russischen Adels 9 — 17 Jh. Koeln, Weimar, Wien, 1994.